

**КОНТАКТЫ ЭСТОНСКИХ УЧЕНЫХ С ВЕПСАМИ, ОТНОШЕНИЯ
С РОДСТВЕННЫМИ НАРОДАМИ И АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА***

**CONTACTS OF ESTONIAN SCHOLARS WITH THE VEPS, RELATIONS
WITH THE KINDRED PEOPLES AND AN AUTOETHNOGRAPHIC
PERSPECTIVE**

Abstract: Since the 19th century Finno-Ugric kindred peoples have been of great emotional and ideological importance for Estonians and for the Estonian culture in general. First it was associated with the Finns, soon also with other nations who live in Russia. In the second half of the 19th century, the research of kindred peoples by Estonian scholars began to develop. The real relationship with the kindred peoples living in Russia for political reasons has been different in different periods, but still important. Field-based academic contacts and other communication became closer after World War II, when Estonia was part of the Soviet Union. Since the 1990s the face-to-face encounters have become weaker again. For more than a thousand years, Estonians have not had very close contact with the Veps, a linguistically close Finnic nation. Having studied Vepsian folk culture myself for many years, I, as an Estonian, have touched upon this topic both scientifically and personally. Through Vepsian folk culture it is possible to see the Estonian culture from a different angle and to explain the folkloristic and other phenomena found in Estonian culture. In personal communication, linguistic proximity and already mentioned feeling of Finno-Ugric kinship are important. Emotionally the future of the Vepsian language and culture in today's Russia is worrying.

Ключевые слова / Keywords: Вепсы, движение родственных народов, автоэтнография, финно-угроведение в Эстонии / The Veps, the movement of Finno-Ugric kindred peoples, autoethnography, fennougristics in Estonia

Введение

Для осознания себя как народа или нации каждая этническая группа имеет свои специфические исходные положения и историю. В части этого для эстонцев принадлежность к семье финно-угорских народов была в течение полутора столетий очень важна. Принадлежность к финно-уграм является одним из значимых компонентов определения себя в качестве эстонцев и, исходя из этого, отношение к родственным народам всегда было особым, по меньшей мере с XIX в., когда началась эпоха национального пробуждения и модерная эстонская нация сформировалась как таковая. Но в то же время, начиная с этого времени значимость

* Финансирование исследовательской работы: Научная агентура Эстонии (PUT 670).

родственной принадлежности варьировалась подобно той или другой идее, и разные люди знали об этом больше или меньше.

Финно-угорские родственные отношения имеют свою концептуальную, но вместе с тем и эмоциональную сторону. Первая связана с историей, культурой, наукой и политикой. Вторая — со встречами, реальным общением и личными контактами. Эти обе стороны могут иметь необязательно бросающуюся в глаза общую часть — в зависимости от индивида, его интересов и установок, опыта и случая. Таким образом родственность любого вида имеет как коллективный, так и индивидуальный облик.

В этой статье рассматривается история финно-угорского самосознания эстонцев и сформировавшиеся в течение этого времени отношения со своими родственными народами, в том числе с вепсами. В первой части статьи рассмотрим, как и из каких исходных точек это происходит и как всё складывалось. Это беглое, большей частью научно-историческое наблюдение по данной теме. В том числе будут рассмотрены реальные контакты и представление о родственных народах в эстонском национальном сознании. Вторая часть статьи представляет собой автоэтнографический (англ. *autoethnography*) экскурс в отношения с вепсами исходя из личной перспективы исследователя. Это рефлексивное персональное наблюдение, картина, которая сложилась в результате исследования вепской культуры и пребывания среди вепсов в течение более десяти лет. Несмотря на личное, здесь всё же не будет представлено излишне много конкретных деталей (этого не позволяет и заданный формат), а будет сохранен уровень обобщения.

Начало более тесного соприкосновения с финно-угорскими народами, в частности, с вепсами, для автора этой статьи было положено в период студенчества, в последнее десятилетие XX в. Контакты и исследовательская работа с вепсами начались в 2004 г. Само собой разумеется, что в этой статье переплетаются национальная и личная перспективы. Мое происхождение было сформировано тем, что я, будучи этническим эстонцем вырос в эстонском культурном пространстве. Полученное в Тартуском университете образование эстонского филолога и фольклориста и профессиональная деятельность в этих областях углубили специфические культурные знания и чуткость восприятия окружающего. Таким образом, всё написанное здесь нельзя обобщенно отнести ко всем эстонцам, хотя, вероятно, наряду с профессиональным углом зрения научного сотрудника имеется достаточно много такого, что свойственно для эстонцев в целом.

О более ранних контактах между эстонцами и вепсами

Как всем хорошо известно, финно-угорские народы в достаточной степени отличаются друг от друга. Единственной общей чертой в глобальной перспективе могла бы быть языковая принадлежность финно-угров, их относительная малочисленность и местонахождение в северной части евразийского материка. Дальнейшее уже в большей или меньшей мере варьируется как антропологически, лингвистически, исторически, демографически, так и политически и т. д. Прибалтийско-финские народы в этой части тоже как в прошлом, так и сегодня, достаточно многообразны. Два самых больших прибалтийско-финских народа — финны и эстонцы — представляют собой современные нации, имеющие государственность и всесторонне развитые национальные культуры. Речь идёт не о многочисленных народах, но всё же о миллионных нациях. Проживающие в России прибалтийско-финские народы меньше по своей численности и сегодня ведут серьёзную борьбу во имя этнокультурного и языкового выживания. Если численность эстонцев и финнов на протяжении последней пары столетий росла или по меньшей мере оставалась стабильной, то соответствующие показатели малых народов неуклонно демонстрируют тенденцию к снижению. В целом это во всём мире характерно для не имеющих государственности или серьёзной автономии народов, которые проживают в сфере влияния того или иного большого народа. Прибалтийско-финские народы связывает между собой прежде всего близкий общий этногенез и языковое родство. На первый взгляд, это всё. Отдельный интересный вопрос связан с присущим народам складом характера, ментальностью и особенно в предмодерной традиционной перспективе.

Интердисциплинарные исследования последних десятилетий внесли в теорию происхождения прибалтийско-финских народов некоторые коррективы, и это в первую очередь во временном плане. На этом следовало бы кратко остановиться. Согласно общепринятой в XX в. теории происхождения финно-угров, считалось, что общие предки прибалтийско-финских народов могли, прибыв с востока, достичь северо-запада России и берегов Балтийского моря в эпоху неолита. Прибытие в этот регион общих предков связывали с культурой гребенчатой керамики. В Эстонии создателем такой теории ещё до войны являлся археолог Харри Моора (1900–1968), и эта точка зрения оставалась относительно неизменной почти до конца XX в.¹ Согласно этой теории, контакты с балтийскими племенами начались позже, с прибытием культуры шнуровой керамики, а контакты с германскими народами ещё позже. Расселение вепсов по своей современной области заселения обычно связывали с начавшейся во второй половине

¹ Ср. *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132.

I тысячелетия экспансией на юго-восточном побережье Ладожского озера. Она распространялась по рекам не позднее, чем с IX в.²

Между тем появившиеся и имеющие значение сегодня генетические исследования обогатили эту тему новыми знаниями. Это относится и к теории контактов Калеви Вийка³, которая в начале XXI в. значительно поколебала все традиционные теории финно-угорского происхождения. Дальнейшие открытия относительно являющейся носителем отцовской линии у-хромосомы практически возвратили славу старой теории языкового дерева. Вийк, комбинируя историческое языкознание того времени, археологию и основанную прежде всего на материнской линии генетику, поместил изначальную родину финно-угров в причерноморский рефугиум ледникового периода, что значительно отличалось от существовавших (и существующих до настоящего времени) научных моделей.

Если традиционное финно-угроведение в XX в. считало общим финно-угорским периодом, во время которого получило свое начало разветвление языков и народов, примерно 6000 лет назад (и соответственно общий прибалтийско-финский период, примерно 4000 лет назад), то эти цифры теперь значительно уменьшены. Конкретизированы и другие, связанные с этногенезом (в том числе с эстонским и вепским) детали. Финно-угры продвигались на восток волнами. По всей видимости, прибытие прибалтийско-финских народов было среди этих волн одним из последних, которое, основываясь на исследовании керамики профессором археологии Тартуского университета Вальтером Лангом, имело место в бронзовом веке⁴. Предки прибалтийско-финских народов прибыли по бассейну Западной Двины вместе с балтийскими племенами. Таким образом взаимное влияние происходило уже глубоко на территории современной Центральной России. Достигнув побережья Балтийского моря они обнаружили там прибывших ранее германских земледельцев. В результате этой трехсторонней синергии сформировалось в позднем бронзовом и раннем железном веке характерное для прибалтийско-финских народов культурное сообщество.

С территории Эстонии часть народа уже в период железного века переместилась через залив в Финляндию, а оттуда в направлении Ладоги. Из этой местности предки вепсов по рекам направились на территории своего сегодняшнего расселения. Возможно, что во время обратного движения на восток свою роль

² Ср. Бубрих А. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 16–17; Голубева А. А. Вепсы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 52 и след.; Седов В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. 1997. № 2. С. 13–14; Муллонен П. II. Проблемы интерпретации этноязыковой истории европейского севера России на материале топонимики // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2015. Т. 10. С. 93–107.

³ Wüik K. Eurooppalaisten juuret. Jyväskylä, 2002.

⁴ Lang V. Läänemeresoome tulemised. Tartu, 2018.

сыграла и охватившая в 536 г. всё северное полушарие климатическая катастрофа⁵, связанная с метеоритом или огромным вулканом. Она повлекла за собой снижение плодородности почвы, значительный демографический спад и вероятную ситуацию, когда выживание сильно зависело от рыбных ресурсов, имевшихся в больших (внутренних) водоемах, экосистема которых сохранилась. В любом случае мы видим, что пути предков эстонцев и вепсов разошлись уже достаточно давно, и поздние прямые контакты практически отсутствовали. Правда, среди эстонских топонимов можно найти некоторые загадочные примеры, которые могли бы указывать на вепсов, например, деревня Вепскюла в окрестностях Нарвы и Выыпсу в юго-восточной Эстонии — но это, скорее, редкие источники.

Естественно, что прибалтийско-финские экспансии как в бронзовом, так и в железном веке не происходили по незаселенным землям. В случае с более северными народами (финны, карельские народы, вепсы) имели место контакты, а также и конфликты с проживавшими значительно южнее, чем сегодня саамами. Велика вероятность того, что на этих территориях тогда проживали и другие ранние народы финно-угорского происхождения, которые прибыли с ранними волнами переселений. Основание для этого даёт загадочный вопрос о чуди. В качестве протонарода она сохранились в фольклоре народов северной Евразии, и эта тема рассмотрена достаточно широко. Исторически чудь эпизодически, наряду с вепсами-весью, присутствует и в русских летописях, которые отражают события IX в., связанные с созданием русской государственности.

Согласно более новым точкам зрения, чудь могла представлять собой проживавших на территории Псковских и Новгородских земель финно-угров (*resp.* прибалтийско-финские народы). Эта точка зрения связывает чудь с представителями южно-эстонских племен⁶, прежде всего с сету. С другой стороны, можно принять во внимание самоназвание южных вепсов «чухарь». С точки зрения нашей темы интересно то, что через чудь (будь то в качестве субстратного народа или возникшего в результате синтеза народа) в промежуточной истории (Средние века) могла обрисоваться возникшая вновь смычка между (южными) эстонцами и вепсами. Но ни в эстонском, ни в вепском фольклоре (*resp.* народном историческом сознании) невозможно отыскать сведения друг о друге. Таким образом, это говорит, скорее, об отсутствии реальных контактов, с точки зрения эстонской перспективы не позднее, чем с начала Северной войны (конец XVII в.), т. е. период, до которого в общем случае простирается устная память эстонской народной культуры.

⁵ *Trauri A.* The impact of the climate catastrophe of 536-537 AD in Estonia and neighbouring areas // *Estonian Journal of Archaeology*. 2014. Vol. 18/1. P. 30–56.

⁶ *Kallio P.* The Language Contact Situation in Prehistoric Northeastern Europe // *The Linguistic Roots of Europe: Origin and Development of European Languages*. Copenhagen, 2015. P. 91–93.

О родственных связях и исследовании финно-угорских народов в Эстонии до середины XX в.

Переломным периодом для современной эстонской культуры является XIX в. Охвативший уже ранее Западную Европу гердерианский национально-романтический поиск национальных корней достиг тогда восточной Европы и народов, входивших в составы многонациональных империй (Австро-Венгерская, Российская, Османская). В общем случае у этих народов отсутствовала своя письменная история, а часто и исторические знаменитые личности — доминирующие в империи народы, как правило, их «присваивали». Так для доказательства собственного национального существования приходилось использовать другие аргументы. Важнейшим ресурсом тогдашних малых народов восточной Европы (от финнов на севере до южных славян на Балканах) при создании модерной нации и соответствующего национального нарратива стали прежде всего фольклор и этнография. Пробуждение народов восточной Европы так и называли — этническим или этнографическим⁷. Поскольку всё происходило в эпоху просвещения, то в игру вступили и научные аргументы — соответствующие исторические источники и хроники, а также объясняющие этническое происхождение теории. Начавшие складываться ещё до XIX в. точки зрения сформировались как для финнов, так и для эстонцев в важные (эмоциональные) аргументы доказывающие, что и как народ они входят в большую семью.

Движение родственных народов в XIX в. в Эстонии ориентировалось большей частью на Финляндию и финнов. Финская национальная культура, начавшая процесс эмансипации ещё в начале века, послужила для эстонцев важным примером того, как следует вести свои дела. В 1835 г. вышла ставшая значимым символом финской национальности «Калевала» Элиаса Леннрота, но интерес тамошней интеллигенции к финской и карельской народной культуре и наследию уходил уже в более ранние времена. Великое княжество Финляндское обладало в Российской империи достаточно большой автономией. По этой причине положение финнов значительно отличалось от жителей Эстляндской и Лифляндской губерний, где, несмотря на исторически сложившееся другое (находившееся под влиянием прибалтийских немцев) лютеранское культурное пространство, теперь всё более интенсивными становились притязания центральной российской власти. Это проявлялось, в том числе в цензуре и русификации, особенно во второй половине XIX в.

Лингвистическое финно-угроведение и этнографическое исследование родственных народов, а также другие более поверхностные соприкосновения с родственными народами всё же старше самой эстонской национальной идеи.

⁷ Ср. Kaiser R. J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, 1994. P. 14–15.

Первый считающий себя эстонцем представитель интеллигенции Кристьян Яак Петерсон (1801–1822) знал о существовании финского языкового родства, но в его исследовательских текстах не нашлось ссылок на другие родственные народы, кроме живущих в Латвии ливов и куронов. Всех этих прибалтийских финнов Петерсон изначально считал германцами⁸. Но всё же его адаптированный перевод со шведского языка на немецкий произведения Кристоффрида Ганандера «*Mythologia Fennica*», можно считать своеобразным вводным аккордом в движение родственных народов, а самого Петерсона одним из первых в эстонском движении родственных народов строителей моста через Финский залив.

Создатели международного финно-угроведения, в том числе и проводившие настоящие экспедиции Андреас Иоганн Шётрен, Антал Регули, Фердинанд Йохан Видеманн, Матиас Александр Кастрен и др. начали научно ретушировать финно-угорское языковое родство в России. И для эстонских ученых Российская академия наук послужила средой распространения идеи финно-угроведения. Первым эстонским финно-угроведом можно считать Фердинанда Йохана Видеманна (1805–1887), академика Российской академии наук. Помимо исследования эстонского языка интересы Видеманна распространялись и на языки коми, мари, удмуртский, эрзя, ливский, кревинский и др. Видеманн был не только кабинетным ученым, а всегда по возможности работал в языковой среде. Работая в Таллинне и Петербурге, он в качестве языковых информаторов использовал служивших в военно-морском флоте матросов финно-угорского происхождения.

Дополнительно к интересу, испытываемому к Финляндии (и к Венгрии) в конце XIX в. начала поступать информация и о восточных родственных народах эстонцев. Первым финно-угроведом эстонского происхождения считают Михкеля Веске (1843–1890), который получил соответствующее академическое образование в 1860-х и 1870-х годах в Лейпциге, и после недолгого периода пребывания в Эстонии работал в течение нескольких лет преподавателем в Казанском университете, где его жизнь преждевременно оборвалась из-за болезни. Веске проводил полевые работы у мари и мордвы. Таким образом, его отношения с родственными народами выходили за рамки кабинетной науки, а также теоретических конструкций или фантазий.

Непосредственно с восточными прибалтийско-финскими народами соприкасался и продуктивный фольклорист и священник Маттиас Йоханн Эйзен (1857–1934). В 1887 г. он жил в Петрозаводске, где был викарием. В январе того же года он совершил путешествие по деревням северных вепсов. В написанных Эйзенем трудах о финно-угорских народах звучит тон, уже знакомый из более

⁸ Peterson K. J. Etwas über die Ehsten, ihre Abstammung, u. s. w. // IAAK. Kristian Jaak Peterson 200. Tallinn, 2001. Lk. 188–207.

ранних заметок финно-угроведов разных национальностей XIX в. Речь идёт об исчезновении и отсталости проживающих в России малых народов, русском влиянии, отличиях и безнадежности. Насколько бы плохо не складывалась история эстонцев, по сравнению с десятками других родственных народов, у нас дела обстоят всё же лучше, заявляет Эйзен. Виновником этой обеспокоенности является историческая государственность России, а также русские культурные влияния. Эйзен, например, пишет: «Наши родичи постоянно тают, тают получая образование, тают без образования. Только два народа – финны и мадьяры – смогли сохранить свой характер, без того, чтобы образование нанесло этому тяжелые раны. Чем больше народ будет дробиться, тем шире будут шаги, которыми эти осколки пойдут в сторону исчезновения, тем быстрее исчезнут отдельные осколки»⁹.

Рождение Эстонской Республики в 1918 г. оказало на эстонцев центростремительное воздействие. Возвращению на родину тех, кто отправился на просторы империи получать образование или в поисках заработка естественно способствовали и события в красной России. В Эстонии на какое-то время дверь на восток оставалась закрытой как для обычных людей, так и для ученых. Реальные контакты с родственными народами должны были ограничиваться входящими в состав Эстонии ингерманландскими деревнями, ливским побережьем в Латвии, и, конечно же, Финляндией и Венгрией. Дальнее восточное направление оставалось закрытым. В 1925 г. языковед Юлнус Марк (1890–1959) побывал в экспедиции у мари и мордвы. В 1921 и 1922 г. в Тартуском университете читал лекции разносторонний ученый коми Каллистрат Жаков (1866–1926), а в 1926 г. в Тартуском академическом клубе родственных народов (создан в 1923 г.) выступил коми Василий Лыткин (1895–1981)¹⁰. При отсутствии прямых связей с восточными родственными народами всю родственную энергию в Эстонии приходилось черпать скорее из мифа о родственности, чем из реальных научных и культурных контактов.

Но всё же этот период был очень важен в развитии национальных наук (в том числе финно-угроведения) в Тартуском университете. В языкознании, этнографии и фольклористике усилился научный интерес к родственным народам, их языку и культуре. Этому в значительной мере способствовали приступившие к преподаванию в Тартуском университете финские профессора, которые помогли запустить научную работу в эстоноязычном университете — этнограф Илмари Маннинен (1894–1935), лингвист Лаури Кеттунен (1885–1963), которому в качестве исключения удалось провести экспедиционные работы у вепсов, археолог Ларне Михаел Таллгрэн (1885–1945).

⁹ Eisen M. J. Eestlaste sugu. Tallinn, 2008. Lk. 222.

¹⁰ Prozes J. Hõimuliikumine ja Fenno-Ugria Asutus // Soome-ugri sõlmed 2010-2011. Tallinn, 2012. Lk. 105.

Довоенный период Эстонской Республики выделяется в общественном плане и развитием финно-угорской государственной деятельности. Идея родственных народов в значительной мере затронула общество и его элиту. Созданием в 1927 году объединения «Учреждение Фенно-Угрия» были заложены основы организованной и поддерживаемой на государственном уровне, но в то же время по своей сути общественной работы с родственными народами. Достаточно обратить внимание на состав членов «Учреждения Фенно-Угрия». В то время оно, в отличие от современности, не объединяло членские организации и лиц, связанных исключительно с деятельностью в области культуры и образования. Председателем совета учреждения был избран государственный старейшина, ставший впоследствии президентом Эстонской Республики Константин Пятс (1874–1956), одним из помощников стал министр образования Пеэтер Пылд (1878–1930). В итоге в «Учреждение Фенно-Угрия» входило около 40 организаций, в их числе не только клубы культуры, а, например, Центральное общество земледельцев Эстонии, Союз учителей Эстонии, Торгово-промышленная палата, Союз врачей Эстонии, Союз обороны Эстонии, Общество аптекарей Эстонии и др.¹¹

Советская власть в 1940 году ликвидировала прежние государственные и общественные структуры и формализовала под советской вывеской всю национальную деятельность. В то же время после войны в Эстонии постепенно открывалась возможность для создания прямых контактов с восточными родственными народами, для проведения у них полевых исследований и создания соответствующих научных контактов с российскими учеными. Но ещё до того, как советская власть окончательно зацементировалась, эстонские ученые использовали возникшие с продвижением фронта на восток возможности для исследования родственных народов в близлежащих регионах (Ингерманландия). Проведенные в 1942 и 1943 годах экспедиции и собранные там материалы, а также полученные впечатления стали важными источниками для эмигрировавших на Запад эстонских гуманитариев, таких как Эрик Лайд (1904–1961), Юлиус Мягисте (1900–1978), Феликс Ойнас (1911–2004), Густав Рянк (1902–1998), Илмар Талве (1919–2007). В экспедиции 1942 года участвовал и один из корифеев финно-угроведения XX в., профессор Пауль Аристэ (1905–1990), который после начала войны мог в Тарту, помимо прочего, заниматься сбором среди военнопленных языковых примеров и фольклора коми.

Таким образом, когда после Второй мировой войны положение постепенно нормализовалось, началось научное развитие в исследовании родственных народов. В Тартуском университете с конца 1940-х годов начались ежегодные экспедиции к прибалтийско-финским народам. В дальнейшем в исследовательской работе

¹¹ Ibid.

принимали участие и другие, занимающиеся народоведением научные учреждения. Это не были односторонние направления и связи: в советский период в большей или меньшей степени сложилось многостороннее сотрудничество с финно-угроведами и соответствующими исследовательскими учреждениями России. Важными ключевыми словами стали экспедиционные работы и исследовательская деятельность на местах, которая в таком объеме никогда ранее не проводилась в Эстонии. Таким образом вторая половина XX в. бесспорно была одним из самых плодотворных периодов в эстонском финно-угроведении. Это стало возможным благодаря способствующим непосредственной исследовательской деятельности обстоятельствам, а также тому факту, что в различных регионах России ещё была возможность работать с ещё жизнеспособными общинами, сохранившими свой язык и характер.

Деятельность Пауля Аристэ в качестве финно-угроведа началась ещё до войны, когда ему удалось поработать с ингерманландскими языковыми информантами, а в 1942 году уже самому принять участие в экспедиционных работах, проводимых в оставшихся в тылу немецкой армии водских деревнях. Базирующийся на проведении экспедиционных работ личный интерес Аристэ к воде сохранился до 1980-х гг. Вместе с ними и под его руководством в Тарту выросло несколько поколений исследователей финно-угорских языков. Сверхважной была деятельность Аристэ как научного руководителя аспирантов финно-угорского происхождения. Это красноречивый пример того, как научная деятельность и работа с родственными народами могут идти в ногу. Своим аспирантам финно-уграм он передал духовность национальной независимости, и эти семена не упали в бесплодную почву.

Экспедиции к вепсам до восстановления независимости Эстонии

Теперь сосредоточимся на экспедиционных работах эстонских ученых у вепсов. Хотя на состоявшейся в 1947 г. в Ленинграде по инициативе Дмитрия Бубриха всесоюзной финно-угорской конференции было решено, что в центре внимания эстонских лингвистов отныне должно быть изучение прежде всего эстонского, ливского и водского языка, Пауль Аристэ проводил со студентами экспедиции и к вепсам. В 1953, 1954 и 1955 годах они работали в расположенных по берегам Ояти деревнях средних вепсов, в 1961 г. — на берегах Онежского озера. К сожалению, большая часть собранного, составлявшего более 400 страниц материала, погибла во время пожара в главном здании Тартуского университета в 1965 г.¹² Экспедициями студентов-лингвистов Тартуского университета к южным

¹² *Salve K. Paul Ariste and the Veps Folklore // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2005. Vol. 29. P. 182.*

вепсам с конца 1960-х годов руководила ученица Пауля Аристэ Паула Палмеос (1911–1990), основная область научных исследований которой была связана с валдайскими и тверскими карелами. Выдающийся эстонский финно-угровед Тийт-Рейн Вийтсо (р. 1938), который занимался исследованием многих прибалтийско-финских языков, сделал в 1960 г. первые имеющиеся в Эстонии магнитофонные записи вепского языка у северных вепсов. Эти и последующие вепские записи хранятся в фольклорном архиве Эстонского литературного музея, в архиве эстонских диалектов и родственных языков в Тартуском университете и в архиве Института эстонского языка.

В 1960-х гг. началась длившаяся на протяжении двух десятилетий систематическая серия экспедиций Эстонского национального музея (тогда Государственного музея этнографии ЭССР) к вепсам. Вернее, она началась уже в 1957 г., когда в Тарту состоялось совещание этнографов Академии наук ЭССР и в новых условиях было решено развернуть работы по сбору и исследованию материалов у соседних народов¹³. Первые экспедиции к северным вепсам состоялись в 1962 и 1963 годах под руководством Айно Воолма (1920–2000). С 1965 по 1983 г. руководителем проводимых почти каждое лето экспедиционных работ к вепсам был Алексей Петерсон (1931–2017), занимавший долгое время пост директора музея. Львиная доля этих экспедиций проводилась в деревни южных вепсов, в меньшей мере к средним вепсам в Вологодскую область. Благодаря этой работе в Эстонском национальном музее (далее — ЭНМ) сейчас имеется достаточно представительная коллекция вепской этнографии. Дневники состоявшихся в 1960-х гг. экспедиций недавно были опубликованы вместе с иллюстрирующим фотоматериалом¹⁴.

Несколько раз к экспедициям ЭНМ присоединялись и исследователи других научных дисциплин. Здесь прежде всего следует отметить физического антрополога Карин Марк (1922–1999), которая провела систематические измерения среди многих финно-угорских народов, а также рано ушедшую из жизни лингвиста Айме Кяхрик (1942–1991). В разных вепских регионах в 1970-х, 1980-х годах (и позже) многочисленные экспедиционные работы проводили лингвист Марье Йоалайд (р. 1946) и фольклорист Кристи Салве (р. 1942), спорадически и другие.

Наряду с научной работой следует отметить и важность получившей начало в тогдашнем Эстонском государственном художественном институте (современная

¹³ Jääts I. Favourite Research Topics of Estonian Ethnographers under Soviet Rule // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2019. Vol. 13 (2). P. 6–7.

¹⁴ Ekspeditsioonid läänemeresoome muinasmaale: Eesti etnograafide vepsa välitööde päevikud (1962–1969) / Koostaja I. Jääts. Tartu, 2019.

Эстонская художественная академия) в 1978 г. по призыву Пауля Аристэ традиции экспедиционных работ, инициатором и многолетним руководителем которой был художник Кальё Пыллу (1934–2010). Как упоминал Пыллу, «еще в первые годы было намерение создать из участников экспедиции отдельную художественную группу и развивать своеобразный, опирающийся на финно-угорскую народную культуру творческий способ подхода»¹⁵. Но, исходя из профессиональных интересов участников экспедиции, это программное заявление всё же не воплотилось в жизнь. Экспедиции Эстонской художественной академии иногда приводили и к вепсам, но не ранее 1990-х годов (в 1990 и 2006 гг., оба раза в деревни на Ояти в Ленинградской области).

Отношения финно-угорского родства для части эстонских интеллектуалов в последние десятилетия советского периода стали источником контркультуры, наподобие самобытной эстонской народной культуры, которую могли сохранять отдельно от советской народной культуры и соцреалистической шаблонности. Самобытная финно-угорская народная музыка и песня и соответствующие, происходящие из непосредственных контактов знания были контркультурой в своих мягких, но убедительных формах. Это же можно почувствовать в работах историка, этнографа и писателя, первого президента восстановившей независимость Эстонской Республики Леннарта Мери (1929–2006). В созданных им фильмах о финно-угорских народах «Народ водоплавающей птицы» (1970) и «Ветры Млечного пути» особенно важна попытка предложить культурное подтверждение теории родственности языков, используя визуальные средства. Во втором фильме представлен портрет южных вепсов в Боброзере (*Maigar*) и на кладбище в Пёлушах (*Põlo*). Хотя вепсов и их этнографию достаточно много снимали на пленку сотрудники ЭНМ во время своих экспедиций, можно быть уверенным, что именно через отрывки из фильмов Леннарта Мери вепсы впервые визуально предстали перед широкой эстонской публикой.

В начале 1990-х годов вместе с восстановлением независимости Эстонии начали редеть контакты между эстонскими исследователями и вепсами, основанные на экспедиционных работах и ставшие достаточно тесными. К счастью, они не прервались полностью. Исследовательскую деятельность в вепском направлении продолжили развивать как Тартуский университет, так и Эстонский национальный музей, и в меньшей степени и Эстонская художественная академия. Являясь

¹⁵ Põllu K. Eesti Kunstiakadeemia soome-ugri uurimisreisid läbi aastate. // Hõimusedmed. Fenno-Ugria 70. aastapäeva album. Tallinn, 1997. URL: <http://www.suri.ee/hs/pollu.html> (27.03.2020).

в качестве доцента и старшего научного сотрудника Тартуского университета одним из тех, кто систематически занимался этой работой в XXI в., я продолжу теперь личными наблюдениями.

Что значит, будучи эстонцем, заниматься исследованием вепсов сегодня?

Хотя по сравнению с вепсами эстонцы представляют собой намного больший народ, в глобальном плане нация, которую составляет 1,3 миллиона носителей языка всё же является очень маленькой. Действительно, эстонский язык в настоящее время входит в число тех нескольких десятков языков в мире, которые находятся в не самом плохом положении. Это происходит благодаря наличию самостоятельного государства, где эстонский язык является государственным языком, долговременной традиции существования письменного языка, традициям, системе школьного и высшего образования на родном языке, национальной языковой политике, разным формам медиа на эстонском языке, а также и тому, что с 2004 г. эстонский язык является официальным языком Европейского Союза. Однако каждый эстонец знает, что он остаётся представителем малочисленного народа и сохранение в будущем эстонского языка и эстонского национального самосознания может и не являться чем-то само собой разумеющимся. Встреча представителей малых народов всегда несёт эмоциональную нагрузку. Она же сопровождает и исследовательские работы.

Близкое родство эстонского и вепского языков даёт эстонцу возможность ощутить себя частью чего-то большего. И, хотя проживающие в России прибалтийско-финские народы по своей численности намного меньше, чем эстонцы или финны, это не имеет здесь большого значения. По своему языку как эстонцы, так и финны в Европе в некотором смысле обособлены. Это то же самое чувство, которое послужило основой начавшемуся в XIX в. движению родственных народов. Эмоционально свойственное родство может являться важным для эстонцев, но в смысле действительных знаний часто имеется дело с «представляемыми» родственными народами, поскольку реальных контактов между людьми в разных странах, к сожалению, не много. Таким образом, участие в экспедициях является возможностью сделать большой шаг в действительный мир родственного народа, исследовать его и послужить посредником его передачи путем научных работ или в иной форме. Мнимое свойственное родство превратится в настоящее, и такая близость обладает совсем другим качеством.

Работая в настоящее время с двуязычными вепсами в основном в Ленинградской и Вологодской области, я всегда предпочитал общение на вепском языке. Помимо того, что на разных языках верования, истории о личном опыте и другая информация выражаются по-разному, для меня, как исследователя-эстонца это имеет и познавательную ценность. Функция языка не является только

информативной, через родственные языки лучше раскрываются и воображаемые грани, отражающие единую прибалтийско-финскую онтологию. Оценочно эстонскую и вепскую народную культуру отличает сдвиг в 100–300 лет. Его причины заключаются в исторически различном культурном фоне и относительно быстрой модернизации эстонцев с XIX в. Совместное пребывание на протяжении примерно половины столетия в Советском Союзе на самом деле не уменьшило значительно этой разницы. Уходящая более чем в тысячелетнюю давность изолированность между эстонцами и вепсами во время экспедиционных работ вновь уменьшается в личном плане.

Вместе с тем языковое и культурное родство является ретроспективным взглядом на общее прошлое. Поиск общих корней в научной работе превышает разрыв продолжительностью в тысячелетие между восточным и западным культурными пространствами, к которым соответственно принадлежат эстонцы и вепсы. Изучение верований и картины мира вепсов разъясняет и «заполняет пустоты» и при исследовании эстонского фольклорного субстрата, что лично для меня очень важно. Некоторые фольклорные практики, изучением которых я мог заниматься во время полевых работ, например, причитание, исчезли из эстонской культуры уже несколько сотен лет назад¹⁶. Традиционная вепская культура сохранила много такого, на что можно найти указания и в эстонском фольклоре, но о чём у меня имеются только основанные на эстонских архивных материалах теоретические знания и, соответственно, только неполное представление и познание¹⁷. Хотелось бы подчеркнуть именно последнее слово, так как информация, основанная на услышанных непосредственно от людей историях их опыта и знаний, обладает другим медиумом и эффектом, чем просто прочитанный архивный текст. Таким образом качество экспедиционных работ в том, что я словно могу сесть в машину времени и переместиться из сегодняшнего эстонского культурного пространства на пару столетий назад.

В исследовании вепской народной культуры одним из интереснейших аспектов является отношение между человеческим обществом и лесом/природой. Для меня как для эстонца в этом есть как фольклорное, так и идеологическое

¹⁶ В Эстонии в период научного собирания фольклора, начиная со второй половины XIX в., зафиксированы только некоторые пародии на причитания. Более ранние сведения о причитаниях эстонцев во время кремации павших в бою воинов относятся к 1208 году в описывающей события начала XIII века хронике Генриха Латвийского (ср. *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*. Рязань: Александрия, 2009). Исходя из косвенных данных, например, фразеологизмов или ритуального поведения на могиле, а также письменных сведений, представленных пастором Августом Вильгельмом Хупелем (1737–1819), имеется основание полагать, что причитание в кризисных ситуациях было известно и позднее.

¹⁷ Архаичность вепского фольклора по сравнению с эстонским фольклором также подчеркивает Кристи Салве, ср. *Salve K. Forest Fairies in the Vepsian Folk Tradition // Folk Belief Today*. Tartu, 1995. P. 413–434.

измерение. В эстонском национальном нарративе достаточно глубоко укоренилось представление об эстонцах, как лесном народе. Эмигрировавший во время Второй мировой войны в Швецию эстонский фольклорист и национальный идеолог Оскар Лооритс (1900–1961) описывает значимость леса в формировании эстонцев как народа и возникновении современной национальной психологии¹⁸. Представление о себе как о лесном народе было важно для эстонцев на протяжении всей второй половины XX в. И сегодня лес имеет для эстонцев эмоционально важное значение. В отличие от народов западной Европы у эстонцев ещё не произошло полного отчуждения от него. Дискурс эстонцев, как лесного народа в современной Эстонии вновь очень популярен в связи с протестом людей против планов государственного управления лесами и рубки леса. Отражение этого можно увидеть в творчестве и выступлениях нескольких хорошо известных в Эстонии философов и писателей (Хассо Круаль, Валдур Микита и др.). Если я хочу понять значение леса таким, какое оно могло иметь для эстонцев в далеком прошлом, то передо мной исследованные именно во время полевых работ у вепсов и существующие до настоящего времени анимистические народные верования. Они выражены, например, в общении с деревьями или магических договорах пастухов, где партнерские отношения с лесом ещё не превратились в модерную поэзию, а являются практикуемой реальностью.

Работая с вепсами в далеких деревнях, у меня есть возможность в некоторой мере ощутить предмодернистское народное восприятие, которое в Эстонии больше невозможно встретить. Это связано с идентитетом места, отношениями между человеком и местом, над которым не доминирует в такой степени концепция современной нации (которая, очевидно, в дальнейшем разовьется и у вепсов). В то же время именно современный национальный идентитет затрудняет для обычного эстонца полное понимание малых финно-угорских народов и проблемы их сохранения. Если эстонцы смогли, вступив в XIX в. в контакт с европейским национальным романтизмом, приступить к созданию своей современной национальной культуры, что и удалось, то подобная возможность отсутствовала у восточных родственных народов. Понимание уникальности своего языка и культуры и необходимости её сохранения и развития в современном мире начинается именно отсюда — больше не из традиционного идентитета места, а создания нации, базирующейся на своей письменной культуре. Эстонцы представляют себе малочисленные финно-угорские народы схожими именно с эстонскими историческими и культурными процессами, что не соответствует действительности. Эстонцы, история которых была непосредственно связана с Россией только периодически в XVIII, XIX и XX веках, не осознают, что вепсы находились в сфере российской культуры на протяжении почти всего своего осознанного существования, принимали участие в создании

¹⁸ *Loorits O. Eestluse elujõud. Stockholm, 1951.*

российской государственности, и у вепсов не было реального контакта с происходившим в европейском культурном пространстве развитием и соответствующими ценностями.

Экспедиционные работы никогда не представляют собой исключительно герметичный научный сбор материала. В отражающих методологию экспедиционных работ исследованиях пропорционально мало обращается внимание на их эмоциональную и личную сторону. В то же время этого никак не избежать хотя бы даже при чтении экспедиционных дневников разных исследователей. Полевые работы часто являются для исследователя местом, где можно заглянуть в себя. В случае с длительными экспедиционными работами на протяжении времени меняются как исследователь, так и объект исследования. Личное, даже интимное познание исследователя сформировалось в центральный компонент исследовательской деятельности¹⁹, и персональная сторона исследователя может иметь определяющее значение при формировании собираемого корпуса материала, особенно при антропологических исследованиях. С одной стороны, исследовательское поле (народ, культура, верования и пр., англ. *field*) представляют собой что-то уже существующее, с другой стороны, в теоретической литературе давно говорится о том, как сам исследователь создаёт в реальности свое исследовательское поле.

Могу подтвердить, что я сам его сформировал, или что мое исследовательское поле сформировалось вместе со мной. Это начинается с первой встречи с местными жителями, где ты являешься чужим, кем-то, кто пришел из других мест. В контексте России то, что ты являешься иностранцем означает немедленно наличие определенной стигмы, что нужно учитывать. Для старшего поколения вепсов, которое использует вепсский язык в своем повседневном общении, достаточно непривычным является общение с прибывшим откуда-то из другого места более молодым человеком не на русском языке, что ещё больше увеличивает (надеюсь позитивно) нашу обособленность. Во время первых полевых выездов следует терпеливо доказывать свое присутствие, но когда приедешь к тем же самым людям в третий раз, то возникает понимание, что ты проявляешь не случайный или узкий интерес. Складываются человеческие отношения и тебя начинают ждать. Контакт между людьми — это что-то очень сильное и необходимое для всех нас, и его нельзя недооценивать и в исследовательской работе. В своей теоретической модели действия фольклорного процесса Лаури Хонко описывал и подчеркивал

¹⁹ Ср., например: *Beverly J. S., Fox C. L., Olbrys S.* The Self in “Fieldwork”: A Methodological Concern // *The Journal of American Folklore*. 1999. Vol. 112. No. 444. P. 158–182.

необходимость поддержания контакта между исследователем и исследуемым, его эмоциональную значимость и для исследуемой стороны²⁰.

В современной политической обстановке, где отношения между Россией и Западом не очень хорошие, большинство информации для обычных людей поступает из политической пропаганды, которая по своей сути везде одинакова. Вместе с противоположной политической стороной демонизируется и проживающий по другую сторону культурной границы человек, народ, представление о которых создаётся только на основании пропагандистской информации. В глобальном плане такой односторонне информированный человек является самым большим риском безопасности — им легко можно манипулировать и использовать его. Во время экспедиционных работ такие однобокие стереотипы ломаются с обеих сторон. Приходит понимание того, что человеческая натура универсальна, несмотря ни на что, и что требуется реальное общение, а не идеологические лозунги. Так, я со своими коллегами часто выступал в качестве ледокола для разрушения предрассудков, чему с противоположной стороны способствует традиционное вепское гостеприимство.

Эмоциональная сторона экспедиционных работ имеет и свои темные тона. Это связано с уходом людей, ставших для тебя близкими друзьями, а также ощущением опасности окончательной ассимиляции, угрожающей вепсам как малочисленному народу. Я лично пережил исчезновение, теперь уже вероятно окончательное, одного малочисленного прибалтийско-финского народа — води. Когда я во второй половине 1990-х годов, будучи студентом, начал участвовать в экспедиционных работах в Ингерманландии, там ещё существовало поклонение, для которых водский язык был родным. Мое пассивное владение водским языком, приобретенное через записи фонетической транскрипции профессора Пауля Аристе, становилось активным. Однако тогда уже не с кем было говорить на нем — последние действительные носители водского языка ушли от нас. Действительно, спрашивая у информантов о преданиях и верованиях, они в своих рассказах путешествуют обратно во времени, оживляются, становятся моложе. Такими молодыми они через свои рассказы врезаются и в память исследователя. Возникает ошибочная иллюзия о вечной устойчивости вепской народной культуре, о том, что эти самые информанты живы и такими существуют всегда. Так, психологически трудно понять, что человека, который во время прошлых полевых работ запечатлелся в памяти вечно молодым, во время следующего посещения больше нет.

²⁰ *Honko L. Cultural Identity and Research Ethics in the Folklore Process // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. Uppsala, 2002. Vol. 58. P. 13-17.*

Вместе с людьми исчезает и культура. С живущим сейчас старшим поколением исчезает тот мир, который ещё в прошлом веке существовал более-менее целостным на вепском языке — в своей традиционной среде, верованиях, во всём этом языковом и чувственном выражении. Это большая утрата и для эстонцев. Так же как вместе с разломом и таянием ледяных глыб в Гренландии исчезает какая-то часть привычного до настоящего времени мира и рассыпается глобальная природная целостность, с уменьшением родственных народов исчезает и экзистенциальная почва под ногами эстонцев. Очень личное, близкое наблюдение, и познание этого не даётся легко.

Заключение

Осознание финно-угорских родственных связей имело в Эстонии значение начиная со второй половины XIX в., с эпохи национального пробуждения. Прямое языковое родство связывает эстонцев как с финнами, контакты и общение с которыми в течение последних пары столетий были самыми тесными, так и с другими прибалтийско-финскими народами. Отношения с родственными народами включают в себя как научный, так и эмоциональный аспект. В зависимости от исследователя они могут и совпадать, что является достаточно ожидаемым для являющегося представителем малого народа исследователя.

Связывающий вепсов с эстонцами этногенез остался в прошлом уже почти пару тысяч лет назад. С этого времени между обоими народами не было серьёзных прямых контактов. Народы располагались в разных частях прибалтийско-финского ареала, и, начиная со Средневековья, всё большим разделяющим фактором становилась культурная граница между Востоком и Западом в Европе, которая впоследствии превратилась также в политический и идеологический разделяющий фактор. Интерес эстонских ученых к восточным родственным народам и первые редкие исследовательские экспедиции начались в XIX в. После образования в 1918 году независимой Эстонской Республики, в Тартуском университете начало активно развиваться финно-угроведение. В общественном плане значение имело создание учреждения Фенно-Угрия, которое знакомило широкие массы с родственными народами и развивало сотрудничество между ними. По политическим причинам оно не могло вестись интенсивно в восточном направлении. Так, до Второй мировой войны в Эстонии отсутствовали сколь-либо обширные знания и о вепсах. Более важная, основанная на полевых работах исследовательская деятельность могла начаться после войны, в советский период, когда эстонские этнографы, фольклористы и лингвисты начали изучать вепские деревни и людей. Наряду с исследователями свой вклад в движение родственных народов внесли художники, композиторы и писатели. В Советской Эстонии всё это

занимало важное место в связи с подвержением всё большей опасности сохранения национального чувства, национальной культуры и языка эстонцев.

Начиная с 1990-х гг. многое изменилось. В независимой Эстонской Республике гарантирована преемственность эстонского языка и национальной культуры. В то же время сокращаются как научные, так и личные контакты с восточными родственными народами, в том числе с вепсами. Беспокойство вызывает ассимиляция и потеря языков малых народов в России, но в то же время люди живущие в Эстонии не в состоянии более точно понять положение вепсов, потому что понимание реальности России во многом основано на политических стереотипах и является более или менее иллюзорным. К счастью, общение и поток более адекватной информации не прервались полностью ни в научном, ни в общественно-культурном плане. В Эстонии и России всё ещё существует большое количество людей, для которых важно трансграничное сотрудничество между финно-угорскими народами. Прибалтийско-финские народы представляют друг для друга взаимный интерес. Помимо языкового родства, есть много общего, но имеются и заметные отличия в народной культуре, истории, мировоззрении, верованиях. Культуры эстонцев и вепсов сформировались в достаточно различные. В то же время чрезвычайно большой интерес представляет изучение и восприятие этих различий или онтологических сходств как в научном, так и общечеловеческом общении.

Таким образом, проводя, будучи эстонцем, экспедиционные работы в вепских деревнях можно привести как коллективный/национальный, так и личный человеческий аспект. Первый связан с характерным для малочисленных народов (или по меньшей мере для финно-угорских народов) взаимной солидарностью и симпатией. Для исследователя-эстонца вепсы, вепский язык и культура, наверное, никогда не были представляющим случайный интерес антропологическим объектом. Здесь играют свою роль разные иные подоплёки: от научных (как этногенез, языковое родство, схожесть в мировоззрении) до зародившихся в движении родственных народов национально-идеологических. Они становятся важными, если речь идёт об исследовательской деятельности, а не одноразовом случайном контакте.

В личном плане перед исследователем всегда встаёт выбор. Но вера в сверхобъективность ученого или его возможность выполнять свою работу, не раскрываясь как человек, уже относится к уходящим в прошлое методическим идеалам. Разные исследователи, будучи разными людьми, в том числе представителями разных национальностей, видят и открывают в изучаемом всегда разные грани, и это является обогащающим обстоятельством.

Список литературы

- Бубрих, Д. В. Происхождение карельского народа / Д. В. Бубрих. — Петрозаводск : Госиздат. Карело-Финской ССР, 1947. — 51 с.
- Голубева, Л. А. Вепсы / Л. А. Голубева // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — Москва : Наука, 1987. — С. 52–64.
- Моора, Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете археологии / Х. А. Моора // Вопросы этнической истории эстонского народа. — Таллинн : Эстгосиздат, 1956. — С. 127–132.
- Муллаонен, И. И. Проблемы интерпретации этноязыковой истории европейского севера России на материале топонимики / И. И. Муллаонен // Вестник истории, литературы, искусства. — Москва : Собрание, 2015. — Т. 10. — С. 93–107.
- Седов, В. В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация / В. В. Седов // Финно-угроведение. — 1997. — № 2. — С. 3–16.
- Beverly, J. S. The Self in “Fieldwork“ : A Methodological Concern / J. S. Beverly, C. L. Fox, S. Olbrys // The Journal of American Folklore. — 1999. — Vol. 112, no. 444. — P. 158–182.
- Eisen, M. J. Eestlaste sugu / M. J. Eisen. — Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, Tartu Ülikool, 2008 [1922]. 227 lk.
- Ekspeditsioonid läänemeresoome muinasmaale : eesti etnograafide vepsa välitööde päevikud (1962–1969) / Koostaja I. Jääts. — Tartu : Eesti Rahva Muuseum, 2019. — 261 lk.
- Honko, L. Cultural Identity and Research Ethics in the Folklore Process. / L. Honko // ARV. Nordic Yearbook of Folklore. — Uppsala : The Royal Gustavus Adolphus Academy, 2002. — Vol. 58. — P. 7–17.
- Jääts, I. Favourite Research Topics of Estonian Ethnographers under Soviet Rule / I. Jääts // Journal of Ethnology and Folkloristics. — 2019. — Vol. 13 (2). — P. 1–15.
- Kaiser, R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R. J. Kaiser. — Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1994. — 471 p.
- Kallio, P. The Language Contact Situation in Prehistoric Northeastern Europe / P. Kallio // The Linguistic Roots of Europe: Origin and Development of European Languages. Copenhagen Studies in Indo-European. Copenhagen : Museum Tusulanum Press, 2015. — Vol. 6. — P. 77–102.
- Lang, V. Läänemeresoome tulemised / V. Lang. — Tartu : Tartu Ülikooli kirjastus, 2018. — 320 lk.
- Loorits, O. Eestluse elujõud / O. Loorits. — Stockholm : Tõrvik, 1951. — 132 lk.

Peterson, K. J. Etwas über die Ehsten, ihre Abstammung, u. s. w. / K. J. Peterson // IAAK. Kristian Jaak Peterson 200. — Tallinn : Eesti Keele Sihtasutus, Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus, 2001. — Lk. 188–207.

Prozes, J. Hõimuliikumine ja Fenno-Ugria Asutus / J. Prozes // Soome-ugri sõlmed 2010–2011. — Tallinn : Fenno-Ugria, 2012. — Lk. 104–114.

Põllu, K. Eesti Kunstiakadeemia soome-ugri uurimisreisid läbi aastate / K. Põllu // Hõimusidemed. Fenno-Ugria 70. aastapäeva album. Tallinn, 1997. URL: <http://www.suri.ee/hs/pollu.html>. — (27.03.2020).

Salve, K. Forest Fairies in the Vepsian Folk Tradition / K. Salve // Folk Belief Today. — Tartu : Eesti TA Eesti Keele Instituut, 1995. — P. 413–434.

Salve, K. Paul Ariste and the Veps Folklore / K. Salve // Folklore. Electronic Journal of Folklore. — 2005. — Vol. 29. — P. 175–190.

Tvauri, A. The impact of the climate catastrophe of 536-537 AD in Estonia and neighbouring areas / A. Tvauri // Estonian Journal of Archaeology. — 2014. — Vol. 18/1. — P. 30–56.

Wiik, K. Eurooppalaisten juuret / K. Wiik. — Jyväskylä : Atena, 2002. — 503 s.